

КСЮША ИВАНОВА

Ксюша Иванова

Любить не страшно

<https://litres.ru/74212552>

Аннотация

Я могла бы часами разглядывать его. Если бы у меня появилась фея-крестная с волшебной палочкой и предложила исполнить любое мое желание, я знаю, что загадала бы. Да-а, мое желание шокировало бы волшебную тетюшку, но факт остается фактом. Юная племянница загадала бы поместить этого мужчину в запертую комнату, без окон, но с большой кроватью. И чтобы он спал и был абсолютно голым. А ключ от комнаты отдать мне... Поставив руки по обе стороны от маленького окошка, расположенного под самым потолком и открывающего вид в ванную, я встала на цыпочки на шаткой табуретке. Я уже почти увидела его целиком, стоящего под струями воды в душе, как табуретка угрожающе закричала, я взмахнула руками, как крыльями. Но, к сожалению, взлететь смогла только вниз...

Содержание

1.	4
2.	10
3.	15
4.	22
5.	29
6.	39
7.	55
8.	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

1.

- Ты ждешь, Лизавета, от друга привета,

Ты не спишь до рассвета – все грустишь обо мне-е-е...

Помимо воли своей я рассмеялась, так старательно брат моей лучшей подруги выводил эту старинную песню! Юлька и Юрка – мои одноклассники и друзья. Они - брат и сестра, близнецы. Внешне, с поправкой на пол, очень-очень похожие. Собственно, характеры – тоже идентичны. И профессию они почему-то выбрали одну на двоих, на троих со мной – педагог, учитель истории. Мы заканчивали первый курс магистратуры – впереди экзамены и, конечно, долгожданные каникулы - целое лето!

- Юрка, ты прав, я не спала до рассвета. Только по причине экзамена по «Теории и методологии...», а никак не из-за тебя!

- Лизка, ты бессердечна! Ты же знаешь, что я тебя люблю!

Заглядывая грустными глазами мне в глаза, этот наглец стащил с моего блюда пироженку и засунул целиком себе в рот. Я только взглядом проводила. Он, зажмурившись от удовольствия, прожевал, запил моим же кофе и, развалившись на стуле, сказал, как будто ничего не произошло:

- А где это моя сестрица?

- Поражаюсь твоей наглости, Евдокимов! Придется на семинаре сегодня сесть с Юлькой, а не с тобой!

Он поменялся в лице. Глаза снова стали грустными, он захлопал ресницами и, прижав к груди обе руки, прокричал на все кафе:

- Нет! Ты просто убиваешь меня! Не бросай! Я верну твоё пирожное! Только не бросай!

Схватив мою ладонь, Юрка начал покрывать её поцелуями, шепча между ними: «Прости! Прости! Прости!»

- Ни в коем случае не возвращай! Просто купи мне другое! – руку вырвала, демонстративно вытерла об джинсы.

В помещение вошла большая компания парней, некоторые показались мне знакомыми – с параллельного потока, наверное. А следом за ними, прижимая к груди стопку тетрадей, плелась моя кудрявая подружка. Судя по расстроенному виду, Кузнечик зачет не принял. Она плюхнулась на стул рядом со мной, схватила мою многострадальную чашку и допила кофе, недопитое её братом. Нет, ну угораздило же меня на первом курсе связаться с этой парочкой! И эта туда же! Одни проблемы от них!

Учились они неплохо. Отличниками, как я, не были, но и до двоечников им тоже было далеко. Юрка был обычным парнем, без странностей. Периодически знакомил нас с девочками. Повстречавшись пару недель, незаметно расставался, чтобы в скором времени представить нам с Юлей новую пассию.

А Юлька была катастрофически, просто патологически влюбчива. В преподавателя социальной психологии – Сер-

геева Александра Николаевича, а попросту Кузнечика, прозванного так студентами за излишнюю худобу и неправдоподобно длинные конечности, она влюбилась на самой первой паре еще в январе. Пыталась привлечь внимание молодого аспиранта хорошими знаниями и блестящими ответами. Но он не обращал внимание на студенток, и на Юльку в том числе. Тогда Евдокимова перешла к другой тактике – заработала пару, напросилась на отработку и сегодня полчаса назад, оставив меня в одиночестве пить кофе здесь, вприпрыжку отправилась соблазнять Кузнечика, то есть пересдавать тему.

- Юлечка, что с твоим лицом? – братец совершенно не сочувствовал горю единоутробной сестры. – У тебя диарея?

- Отстань, дурак! – она обратила свой взор на меня. – Лица-а, я так опозорилась!

Я приготовилась услышать страшную историю о ее недавнем приключении, как вдруг Юлька уставилась на вход в кафе, открыв рот, и, наверное, забыв дышать. Я обернулась. Но ничего сверхъестественного не заметила.

- Юлька, муха залетит – рот прикрой! – Юрка потешался, раскачиваясь на стуле.

Она отмерла и показала ему средний палец на левой руке. Юрка, видимо, обидевшись, вместе со стулом повернулся к соседнему столику, где сидели девчонки-первокурсницы, и начал их отчаянно клеить. А его сестра снова обратилась ко мне:

- Смотри, какой красавчик! – подруга одними глазами указала мне направление.

К зашедшей перед ней компании присоединился еще один парень. Незнакомый мне даже внешне. Приятный молодой человек. Обычный.

- Лиза, зачем ты его так разглядываешь? Он же видит твой интерес.

- Знаешь что, Юлечка, я его разглядываю, исходя исключительно из твоего интереса.

Я отвернулась, увидев все, что хотела. Самовлюбленный индюк – этот ее красавчик! В дорогих шмотках. С крутым телефоном, который в целях привлечения внимания особо падких на деньги девушек, все время крутился в руках хозяина. Особо мне не понравилось кольцо-печатка у парня на левой руке. Вот не люблю у мужчин подобные украшения, особенно золотые! У мужика, по моему убеждению, вообще, на пальцах не должно быть ничего, кроме обручального кольца.

На моих глазах Юлька стремительно краснела. Мне и обращаться не нужно было. Я сказала в унисон с подругой:

- Он идет сюда.

Рассмеялась только я одна...

- Привет, девочки-красавицы! Что-то я раньше вас не видел. Первокурсницы, наверное?

Юлька сразу бросилась в бой.

- Не совсем. Точнее совсем не первокурсницы. Гораздо,

гораздо старше... - она поглядывала на парня из-под длинных ресниц. — и намного опытнее.

Он заинтересованно осмотрел ее:

- Тогда давайте знакомиться. Влад, — он протянул Юльке руку.

Она неспеша вложила свою, как бы невзначай показав красивый ярко-розовый маникюр.

- Юлия.

А я смотрела на его запястье. Там красовалась небольшая татуировка черного цвета – двойная бесконечность. Две восьмерки, переплетенные между собой. Сердце забилося с удвоенной силой, кровь хлынула к щекам... У Него точно такая же. Только на левой руке. Стоило закрыть глаза, и я видела его руки. Когда-то я даже фотографировала их. Он смеялся надо мной и называл детской глупостью этот мой поступок. Он не знал. Он даже не догадывался, что это - мой фетиш, это – мое безумие, смотреть на его руки по ночам. И да, глядя на них, я представляла себе...

Из воспоминаний вырвала Юлька, которая бесцеремонно трясла меня за плечо.

- Лиза, что с тобой?

Я встретила глазами с парнем. Как там его? То ли не услышала, то ли, услышав, сразу забыла имя. Это все его татуировка виновата. Он насмешливо смотрел на меня:

- Тебе понравилась моя татуировка?

- Э-э, у одного моего знакомого такая же. Двойная беско-

нечность...

- Между прочим, девушке такая тоже подойдет. Ты не хочешь себе такую набить... Лиза? Я могу помочь, у меня есть один знакомый, - Юлька мне не простит. Парень явно клеится ко мне.

Чтобы не доводить подругу до белого каления и не давать парню бессмысленную надежду, я встала из-за стола:

- Если честно, я кольца на мужских руках терпеть не могу.

Сказала и пошла к двери, на ходу цепляя на плечи рюкзак с учебниками. Бессонная ночь сегодня гарантирована. Если вспомнила о Нем...

2.

Ребенок кричал всю ночь. Такие приступы не были редкостью. Только раньше мне помогала мама. Раньше, это после того, как Нелли ушла... Мама говорила, что для больного малыша – настоящая трагедия пережить предательство одного из родителей, особенно матери. Мама, как всегда, была права.

Сейчас мама лежала в больнице. И я не мог быть с ней рядом. Дело было совсем плохо. Точнее, надежды не было никакой. Она уже несколько суток не приходила в себя. Роман, мой брат, ночевал у нее. Мы ждали, что со дня на день это случится – она умрет.

Я не мог спать. Даже в те короткие мгновения, когда Данечка забывался беспокойным сном. Как мы будем без нее? Как без нее буду я? Совсем один. С ребенком.

Потом сын начинал всхлипывать, ворочаться и снова заходиллся криком. Я носил его по дому, положив темноволосую головку на свое плечо, гладил по спине, напевал песни без слов и думал...

Тот факт, что Данечка серьезно болен, стал известен нам еще в роддоме. Правда, как сказал наш собственный доктор – Павел Петрович, кандидат наук в области кардиохирургии, очень опытный врач, порок сердца вполне излечим.

Конечно, это было трудно. Несколько месяцев мы с Нелли

жили, как в аду. С новорожденным и дома-то нелегко. А в больнице? Да еще в другом городе, далеко от дома? Мы дежурили с женой попеременно. Жили в квартире Павла Петровича, благо что она неподалеку от клиники. Ребенок был слабенький, операция нужна была срочная. Но детский организм мог запросто не пережить наркоз...

Полгода набирали вес, учились жить в больничных стенах. Нелли было очень трудно. Мне, конечно же, тоже. Особенно на фоне ее постоянных истерик. В один далеко не прекрасный день, когда я приехал сменить ее у кровати сына, (дело как раз было перед операцией) наш лечащий врач пригласил меня в свой кабинет. Разговор сводился к тому, что наша мама – неуравновешенный человек, способный в моменты всплесков своих эмоций навредить малышу. Он настоятельно рекомендовал на время операции и особенно послеоперационного периода рядом с сыном находиться мне, а не ей. Мне было стыдно признаваться в этом, но Нелли, действительно, была ненормальной.

Довести ее до криков и истерики с вырыванием волос, с бешеными воплями и даже потерей сознания можно было одним неловким словом. Из палаты, где лежал Даня, через пару дней сбегали другие маленькие пациенты, потому что их мамы часто к концу первого дня пребывания рядом с моей женой, уже успевали поругаться, а-то и выдержать схватку с этой злобной мегерой.

Что с Нелли будет трудно, я понял еще на нашей свадьбе.

... Она была потрясающе красива в белом свадебном платье! Даже мой брат, Роман, безумно влюбленный в свою жену, увидев, как Нелли выходит из дома и садится в машину, не мог отвести глаз! Точеная фигурка, идеальное лицо с огромными синими глазами, шикарные черные волосы. Платье Нелли привезла из Парижа, куда ездила на съемки для какого-то модного женского журнала. Такой красоты, наверное, в нашем городе не видел никто! Она им очень гордилась. Видимо поэтому и произошло то, что произошло!

Садясь в машину, она случайно наступила тонкой шпилькой на подол. Легкая ткань естественно не выдержала и порвалась. Собственно, можно было просто чуть заколоть булавкой, ведь порвалась только подкладка... Но моя будущая жена считала, что в этот день у нее все должно быть идеально. Она прямо на улице с визгами и воплями оторвала практически весь низ, укоротив свой наряд сантиметров на тридцать, бросила его на землю и долго топталась в луже по куску ни в чем неповинной материи и проклинала все на свете, в том числе и меня, за то, что такой позор вдруг случился с ее Величеством. Я впервые видел подобное. Я был в шоке! Наверное, это читалось по лицу. Потому что ее мать, моя будущая теща, отвела меня в сторонку и сказала, что-то типа того: «Дорогой зять, тебе досталось настоящее сокровище – умная, безумно красивая женщина, зарабатывающая побольше многих мужиков. Однако, есть у нее один секрет. И этот секрет – теперь твоя головная боль, а не наша! Смирись,

и потакай ей во всем, ни слова против! Будешь себя вести правильно – лучшей жены у тебя не будет никогда! Но если...»

Я вел себя неправильно. Первую ошибку я совершил, когда она забеременела. Собственно говоря, в этом факте и была ошибка. Она не хотела рожать. Она хотела работать. Нелли была моделью. Ее лицо красовалось на обложках журналов. И красуется до сих пор.

Второй ошибкой было заставить Нелли родить, а не сделать аборт, как хотела она. Девять месяцев кошмара с каждодневными истериками! Тема истерик всегда была разная. Но главная мысль одна - я испортил ее безупречную фигуру своим (!) ребенком! Я не знаю, как не развелся с ней тогда! Уже в те дни, ругая себя самого, я дико жалел, что вообще женился. Но ведь она должна была родить моего сына! Я терпел.

Следующая ошибка, которая неумолимо разводила в стороны меня и ее, была совершена не мной. Ее совершил наш ребенок, родившийся нездоровым. Она вытерпела целых полгода. Только теперь каждый мой взгляд, каждое слово, каждое движение могли привести к скандалу. Да, собственно, скандалом это было трудно назвать. Потому что во время приступов Нелли, я просто молчал, или уходил куда-либо.

После Даниной операции на сердце Нелли ушла. И я был этому рад.

К нам с малышом приехала моя мама. Сыну стало намного лучше сразу. Через несколько месяцев он уже практически догнал по развитию своих сверстников. Скоро мы уехали домой. И вроде бы все наладилось: я работал в совместной с братом Романом фирме по ремонту и продаже компьютеров, мама сидела с Даней. Мальчик рос идеально послушным, тихим ребенком. Мама, не сразу, но все же, стала говорить, что это-то ее и пугает. В полтора года он мог часами рассматривать пятно на обоях, или по полдня перекладывать кубики из одной коробки в другую. Я, помня неугомонных и очень активных детей старшего брата, отправился с сыном в путешествие по больницам. Диагноз нам поставили не сразу. Примерно через полгода седая женщина в очках с золотой оправой, устало вздохнув, сказала с сочувствием в голосе:

- Синдром Каннера или классический аутизм.
- Насколько это серьезно? Он будет... нормальным? – да, тогда я задал именно этот глупый вопрос.
- Вам нужно научиться воспринимать его таким, какой он есть. Таким, как другие дети он не будет никогда.

3.

На последний экзамен я шла с сильной головной болью, першением в горле и ощущением повышенной температуры. Точно не помню, какой вытащила билет. Уверена, что ответ знала. Потому что, выходя отвечать к столу экзаменатора, не чувствовала страха совсем. Правда, потом - все как в тумане. Наверное, я несла бред, потому что Иван Сергеевич, наш преподаватель по педагогике, что-то удивленно переспрашивал. Я закашлялась... И все...

Следующее воспоминание – общежитие. Кудрявая голова над моим лицом, испуганные Юлькины, а потом и Юркины глаза. Женщина в белом халате, болезненное ощущение укола, сон...

Следующий кадр моего кошмарного фильма – меня кто-то несет на руках. Он очень сильный – так просто поднял и понес... Что-то ласково приговаривает мне на ушко, вроде бы: «Бедная девочка, совсем, как перышко стала легкая». Я не могу открыть глаза, у меня нет сил. Я не вижу того, кто меня несет, но почему-то мне кажется, что это – Матвей. Я думаю о том, что выздоравливать не хочу. Я мечтаю, чтобы всегда вот так, без сил, но на его руках... Я прошу его, не отпускать, не бросать меня. Я шепчу его имя. Я стараюсь ухватить его руками, вцепиться в него, чтобы никогда больше... И все...

Я в машине. На заднем сиденье. Укрытая пледом до самой головы. Тихо играет музыка в салоне. Впереди на пассажирском сиденье сидит мама. За рулем, узнаю по голосу, – Сергей. Они спорят. Мама твердит, что меня нужно отвезти в больницу, потому что температура слишком высокая и падать не желает. А Сергей утверждает, что Павел Петрович сам справится – сделает мне какой-нибудь чудодейственный укольчик... И все...

Окончательный кадр. Я в своей комнате. В зале – мне видно в приоткрытую дверь - за большим столом сидит все мое семейство, кроме детей. Похоже, решается моя судьба. Может, я при смерти? Или у меня неизлечимая болезнь? Или я завалила экзамен, и меня выгнали из института?

Стоп. Если стараться дышать потише, то все отлично слышно, несмотря на включенные в детской мультфильмы. Мама:

- Пусть она проснется и сама решит. Нет смысла обсуждать это.

Аля:

- Мы можем просто ей не говорить. Зачем беречь рану? Она только успокоилась.

Сергей:

- Девочки, милые, вы счастливы со своими мужьями?

Мама:

- Сережа, при чем здесь это?

Сергей:

- Ты слышала, что она шептала, когда я нес ее в машину? Да она в бессознательном состоянии была, а Матвея звала все равно. Просила, чтобы он не уходил, не бросал ее...

Боже, как стыдно! Я Сергея обнимала! Я цеплялась за него! Я его называла... Кто-то слабонервный (не видно отсюда – мама или бабушка) начал всхлипывать. Все-таки мама. Сергей встал из-за стола и перешел на другую сторону – туда, где дверь закрывала обзор. Скорее всего, обнимает ее за плечи – успокаивает.

Алька:

— Значит, нужно сказать.

Роман:

- Конечно, нужно. Пусть поедет. Там – свежий воздух, природа! Ей сейчас это – самое то!

Алька:

- А он?

Роман:

- Он же ищет няньку и кухарку. Вот ему и будет – в одном лице!

Мама:

- Я думала, мама Нелли ему помогает!

Роман:

- На прошлых выходных, когда я был у них, Валентина Игоревна уехала домой – муж приболел. Да и трудно с Даней – не нашла она общий язык с ним.

Голова была удивительно ясной. Я все отлично понимала.

Они хотят отправить меня к Матвею. Сердце радостно сжалось в груди. На глазах выступили слезы. Увидеть его? Жить с ним в одном доме? Пусть даже недолго (хоть бы в первый же день не выставил за дверь!)). Я даже на одну минуточку согласна!

Нет! Где гордость твоя, Лиза? Ты не нужна! Никогда не была нужна. Ты – глупая девчонка, с самого детства влюбленная в одного единственного мужчину.

... Я отлично помнила, как увидела его в первый раз. Это было, когда мне только исполнилось десять. Я помогала Але убирать квартиру. Бабушка уехала на операцию в Москву. Мама лежала в реабилитационном центре. Папа... Кажется, уже сидел в тюрьме. Алька терла тряпкой комод и плакала – думала, что я не вижу. Мне казалось, что она из-за бабушки. Вдруг в дверь позвонили. Она изменилась в лице – испугалась, потом обрадовалась, потом, видимо вспомнив о своей ужасной прическе, снова испугалась. Побежала в ванную, потом бросилась открывать. Я смотрела в чуть приоткрытую дверь – это могли быть папины и мамины друзья, а от них – жди беды! Это я понимала с самого раннего возраста.

На пороге стоял мужчина. Взрослый, высокий, красиво и модно одетый. Русые волосы падали на высокий лоб, и он время от времени отбрасывал их рукой назад. Почему-то я запомнила это его движение. И оно всегда казалось мне родным, особенным, присущим только ему одному...

О чем они говорили, я не слышала. Вернее, я слышала,

но не старалась понять и запомнить. Я была поражена, очарована, восхищена. Когда он ушел, я забралась на подоконник в нашей комнате и смотрела, как он садится в машину и уезжает.

Потом, когда Аля с Ромой поженились, мы с Матвеем стали часто встречаться.

В тринадцать лет я уже знала, что влюблена в него. В пятнадцать меня накрыло горькое ощущение нашей разницы в возрасте. Он был вдвое старше! Это невозможно! Это нереально! Это – пропасть сколько! Я плакала ночами в подушку. Я страдала. Мои переживания несколько не мешали учебе – я была отличницей. А еще занималась танцами, училась играть на гитаре, ходила на кружок рисования. И не столько ради своего собственного удовольствия, сколько для того, чтобы однажды поразить своими умениями его сердце. Мне почему-то казалось, что мои способности когда-нибудь будут замечены им. Наивная дурочка! Не о том... не тому учиться нужно было!

А в шестнадцать... В шестнадцать я узнала, что такое целовать его. Если бы воспоминания можно было сфотографировать и повесить на стеночку – этот кадр занимал бы главное место в моей комнате.

... Мы отдыхали на море вместе с Авериными и Пылевыми. Правда, тогда Сергей еще был женат на Ире, а не на моей маме. В тот вечер мы ходили на пляжную вечеринку, где все танцевали. Конечно, рядом было просто море, а у бара,

расположенного в тридцати метрах от него – море выпивки. Даже мне Алька разрешила шампанское. Было весело! Огромная толпа отдыхающих, большей частью одетая в купальные костюмы, танцевала прямо на песке. Мы тоже плясали с Алей и Ирой, а мужчины сидели возле бара. А когда началась медленная композиция, Алю тут же обнял Роман, немного позже к Ирине подошел Сергей. Я растерянно стояла одна в самой гуще танцующих. Не знала, куда податься – вокруг кружатся парочки. Сделала пару неловких шагов в сторону бара, и вдруг оказалась в его объятьях...

- Лиза, пошли потанцуем?

Если бы он знал, какой музыкой звучали для меня его слова! Конечно, отказаться я не могла. Он легко обнял меня. Мои руки на его груди... Сквозь рубашку я ощущала жар кожи... Его лицо в нескольких сантиметрах от моего. Я не могла отвести взгляд. Я смотрела и смотрела бы вечно. Я знаю, что виной всему спиртное, выпитое им. А может быть, общая атмосфера – рядом очень многие целовались... Я не закрыла глаза, когда губы Матвея притронулись к моим – не могла пропустить ни мгновенья. А вот его глаза были закрыты – возможно, на моем месте от представлял совсем другую женщину... Он бесстыже обвел языком контур моего рта. Всего несколько секунд. В то мгновение, когда я непроизвольно вцепилась ногтями в его грудь, он резко распахнул глаза и, кажется, даже испугался, увидев меня. Мне было шестнадцать, ему тридцать один. Я уверена, он не придал никакого

значения тому поцелую. Зато я запомнила его на всю свою жизнь...

4.

Когда мама умерла, и мы остались вдвоем с сыном, я понял всю глубину проблемы, с которой мне предстояло дальше жить.

Мой мальчик в три года, если сфотографировать его, и показать фотографию вместе с изображениями других детей - ничем от них не отличался. Может быть, во мне говорили отцовские чувства, но мне казалось даже, что он был более красивым внешне, чем другие дети, с которыми мне приходилось раньше общаться, включая даже моих племянников. Иногда в магазине или больнице, или на игровой площадке, видя меня с малышом, молодые мамочки с детками подходили пообщаться. И поначалу они восхищались его красотой. Но только поначалу...

Если понаблюдать за Даней хотя бы десять минут, становится ясно, что он не такой, как окружающие. Эта его особенность наиболее ярко видна в контрасте с другими детьми. Я помню один такой случай. Мы гуляли в парке. Я вытащил Даню из прогулочной коляски и поставил на ноги. Сам сел на скамейку, а он ходил мимо меня туда-сюда четко от одного края скамейки к другому. Останавливался на несколько секунд у края, как бы фиксируя невидимую границу, и шел назад. Он не смотрел вокруг, он не видел ни детей, ни взрослых гуляющих неподалеку. Так продолжалось, пока к

нам не подошла девушка с таким же по возрасту малышом. Подозреваю, что она больше хотела познакомиться со мной, чем навести мосты для игры ее сына с моим. Это была одна из наших первых, после смерти бабушки, совместных прогулок...

Девушка что-то говорила о детских проблемах, о том, какой у нее непоседливый и непослушный мальчик. Потом она спросила, можно ли ей познакомить наших детей. Я, конечно же, ответил утвердительно. Она поймала все также шагающего Даню за руку. Он остановился, глядя в землю. Она подозвала своего мальчика и сказала: "Это - Саша! А тебя, как зовут?" Мой сын ожидаемо молчал, хотя свое имя знал и даже иногда сам называл его. Я сказал за него. Тогда девушка подняла пальцем его опущенное лицо за подбородок и спросила: "Ты будешь играть с Сашей?" Ничего не добившись от него, она вопросительно посмотрела на меня. Пришлось озвучить его диагноз.

Мы сидели с ней молча на скамейке и наблюдали за мальчиками. Саша собирал осенние листья и носил к нам. Складывал их кучками на свободной части скамьи. Даня ходил. Неожиданно Даня заинтересовался листьями. Он подошел к кучкам, не обращая никакого внимания на Сашу, как будто того и не было рядом, и стал отрывать от листьев черенки. Саша возмутился, но мама уговорила позволить Дане поиграть с листиками. Эти кусочки мой сын не выбрасывал, а собирал в руку. Потом он отошел к соседней скамейке, по-

ложил свою добычу на нее, стал брать черенки по очереди, подносить близко к глазам. Он долго рассматривал каждый кусочек, затем клал его в кучку. Брал другой и с ним проделывал то же самое, что и с предыдущим.

Саша успел порисовать мелками на тротуаре и скамье, сделать несколько букетов из листьев и подарить маме, найти гриб неподалеку, подуть мыльные пузыри, половить их, наконец, намочить в луже ботинок, а мой мальчик все также рассматривал кусочки от листьев, как будто от этого зависела его жизнь.

Если честно, я был в ужасе. Я не понимал его. Мама, уже болея, пыталась передать мне весь накопленный ею опыт по воспитанию Дани. Но тогда я думал о другом... Самое главное, говорила она, суметь его полюбить. До того, как я остался с ним один на один, мне казалось, я его люблю. Я приходил домой, когда Даня уже спал, я поправлял на нем одеяло, оставлял на столике в детской новую игрушку, любовался его милой мордашкой и шел спать. И даже в те часы, когда я бывал дома вместе с ним, он казался мне идеальным ребенком: никогда не шумит, сидит себе спокойно в своей комнате с игрушками или бумажками какими-нибудь. Я видел некоторые его странности, но я ведь знал о его диагнозе и многое прочитал в интернете на эту тему. Но читать - это одно, а жить с ним - совсем другое.

За полгода вместе я изучил всю литературу об аутизме, какую только мог найти. Я понял, что вылечить это заболе-

вание нельзя, но кое-что сделать, чтобы помочь Дане социализироваться, все-таки вполне реально. И для этого ему нужен я. Целиком и полностью. Рядом всегда.

Я вычитал в какой-то статье, что детям с диагнозом аутизм лучше не менять обстановку. Жить в одном и том же месте. Но, хотя и старался следовать всем рекомендациям врачей, в данном случае пошел своим путем.

У нашей мамы в деревне в другой области, в двухстах километрах от нашего города, был небольшой домик. Мы с братом отремонтировали его, провели все возможные коммуникации, обставили современной мебелью. Благодаря близости районного центра, в деревушке был интернет. Я работал в удаленном доступе - чинил компьютеры нашим заказчикам, делал многое другое, связанное с починкой компьютеров. Иногда по ночам писал программки и даже занимался разработкой собственной компьютерной игры. Времени на это было не так уж и много, но наша с Романом общая фирма приносила стабильный доход, и мы с братом решили, что в данной ситуации я больше нужен сыну, чем брату.

Первые месяцы с нами жила Валентина Игоревна, моя теща. Физически мне с ней было легче, потому что бабушка замечательно готовила, стирала для нас, убирала в доме... Но морально... Нет, Валентина Игоревна не была нервнобольной, как ее дочь, просто она не принимала Даню. Мне кажется, женщина по-своему, как внука, любила его, только не могла понять, что переделать ребенка в данном случае прак-

тически невозможно, реально только скорректировать.

Бабушка всячески старалась воздействовать на Даню. Лаской, уговорами, а иногда даже угрозами, заставляла его делать то, что считала правильным. Однажды она подняла на него руку. В тот день я собрал ее вещи, вызвал такси, и Валентина Игоревна уехала в город к своему мужу, который как раз в этот момент заболел гриппом.

Мне стало трудно - домашние дела всегда казались мне непомерным грузом для мужчины. Да еще и Даня! Я видел, что мои усилия не пропадают даром. За полгода он пусть немного, пусть незаметно для других, все-таки кое-чему научился. И, что я считал своим самым главным достижением, сын стал меня замечать! Если раньше я жил как бы в параллельной с ним реальности, то сейчас иногда, на несколько секунд во время игры, во время прогулок, он включался в те действия, которые предлагал ему я. Может быть, мне это просто казалось. Но я верил, что это так!

Раз в две недели к нам приезжали Авериные-старшие. Роман - один или с семьей. Они обычно бывали у нас два выходных дня - отдыхали на природе, Аля готовила нам с Даней разные вкусности впрок, мы с Романом неизменно жарили шашлыки и выпивали бутылку коньяка. Я ждал этих встреч, как самого большого в жизни праздника! Все-таки, стоило признать, мне было трудно одному...

Роман советовал нанять няньку или кухарку, наши доходы это позволяли. Я бы хотел. Если бы мне попалась такая, как

его жена! Чтобы добрая и ласковая, чтобы быть уверенным, что в тот момент, когда она останется один на один с Даней, без меня, не ударит его, не оскорбит. Я бы нанял. Но после Валентины Игоревны я не очень-то верил, что такой человек вообще существует.

Роман обещал найти. Я ждал выходных и надеялся, что у него получится.

... Я наблюдал за ним. Сидел за столом, перед включенным компьютером и делал вид, что работаю, а сам наблюдал. Перед Даней были рассыпаны игрушки. Полгода назад в игрушки он почти не играл - раскидывал, собирал в коробку даже, но не играл. Сейчас - да, но не в привычном понимании слова. Он откручивал у машинки колеса, отрывал остальные запчасти и внимательно рассмотрев и даже понюхав каждую, складывал в баночку из-под кофе, которую я сегодня забыл на столе. То есть, ребенок вроде бы был занят, только игры в обычном понимании этого слова, не было.

Я сел рядом.

- Сынок, давай мы теперь машинку починим? Иначе она ездить не сможет. Починим, и мишку покатаем на ней?

Для пущего эффекта взял плюшевого медведя и заговорил, притворяясь игрушкой:

- Данечка, я всю жизнь мечтал на машинке покататься! Помогите мне!

Даня не смотрел на медведя, не обращал внимание на меня, но и машинку перестал разбирать. Я взял ящик с игру-

щечными инструментами и подал ему молоток.

- Давай я буду помощником, а ты - мастером! Бери молоток и чини машину!

Иногда Даня не хотел включаться в игру, точнее, обычно не хотел, но сегодня он молоток все-таки взял. Правда, чинить им машину не стал, а попытался и его запихнуть в банку из-под кофе. Одной стороной, другой - не получается. Вытащил, высыпал содержимое - молоток влез, но крышка закрываться не желала. Он вытащил игрушку и попытался что-нибудь у нее оторвать, чтобы все-таки осуществить задуманное. Но - молоток, это не машинка, мелких частей у него нет! Я тем временем прикручивал обратно колеса, при этом проговаривая свои действия тихим, ласковым голосом. Он, как всегда молчал. Потом я усадил медведя в кузов и сказал:

- А теперь давай покатаем?

- Покатаем, покатаем, покатаем...- повторил Даня, и еще то же самое слово раз пятнадцать. Но медведя по полу катал...

5.

Я вспоминала с замиранием сердца. Именно так, с замиранием сердца, я всегда думала о Нем. Мне казалось, что если бы я могла быть рядом с ним - в любом качестве, нянькой для Дани, которого я видела всего лишь три раза в своей жизни, и то еще младенцем, кухаркой, уборщицей, секретаршей, я была бы счастлива.

Разговор семейного совета продолжался. Теперь в него вступила тяжелая артиллерия в лице бабушки, которая сидела во главе стола. Бабушка вставила свои пять копеек:

- Но ведь Данечка болен. Сможет ли Лиза с ним справиться?

Рома тут же возразил:

- Матвей с Даней справляется сам. Ему нужно, чтобы кто-то убирал, стирал там... В общем, делал домашнюю работу. Местных он брать не хочет - они Даню считают агрессивным, не понимают, не верят, что такие болезни вообще существуют!

Бабушка:

- У Лизы только два месяца есть - а потом на учебу.

Роман:

- Вот за это время он и подыщет себе помощницу. Может быть, даже сам съездит в город и подберет подходящую, потому что предложенные мной кандидатуры ему всегда не

правятся!

Мама:

- Она привыкнет к нему за это время и потом еще тяжелее будет.

Роман:

- Марина, ты давно не встречалась с Матвеем?

Мама:

- Год точно его не видела.

Роман:

- Так вот он не такой милый и пушистый, каким был при жизни нашей мамы. Ему нелегко приходится! Вероятность того, что он разочарует нашу Лизу, оттолкнет ее, больше, чем то, что она привыкнет!

Аля:

- Рома, говорит правду! Он просто невыносим! Примерно такой, каким ты сам, Ромочка, был, когда не мог ходить! Нет, он еще хуже! Только с Даней он добрый, ласковый, а на всех остальных рычит, как ... как медведь! Я там раз-два в месяц бываю, и то успеваю с ним поцапаться...

Роман:

- Но, если помнишь, именно такого - невыносимого и злого ты меня и полюбила!

Наверное, этот спор продолжался бы до бесконечности. Женщины - сомневались и боялись за меня, а мужчины всячески хотели помочь Матвею. Только вдруг заговорил бабушкин муж, Павел Петрович. Несмотря на то, что он не был

отцом моей мамы и Али, они обе и их мужья, относились с огромным уважением к этому человеку.

- Разрешите и мне, раз уж я здесь сижу, высказаться!

Все замолчали.

- На мой взгляд, все они нуждаются друг в друге. Мы имеем троих людей с разными диагнозами, но лечение одно на всех - любовь! И пусть я - неисправимый романтик, но давно доказано, что любовь творит чудеса! Рома, вези Лизу, если, конечно, она согласится. И переночуй там с ними, чтобы убедиться, что Матвей не натворит бед. А она, в конце концов, взрослая девушка, если что-то пойдет не так, позвонит кому-нибудь из вас, и Роман, или Сергей, или я - поедем и заберем ее из логова этого... медведя!

Как говорится в сказках, на том и порешили... Когда поднялись из-за стола, я поняла, что сейчас кто-нибудь зайдет ко мне. И не ошиблась. Из-под опущенных ресниц наблюдала, как вошла бабушка, поправила одеяло, потрогала мой лоб. Видимо, не поняла, что я уже не сплю, потому что ничего не сказав, поцеловала меня в щеку и вышла.

Та-а-ак, и что же мне делать? Лиза, включи голову! Лиза, выключи сердце! Подумай, нужно ли это тебе? Все мои чувства восставали против самой формулировки этого вопроса! Нужно-нужно-нужно - кричало все во мне! И только мозг тихонечко выдавал: "Дура, эти два месяца убьют тебя! Зачем? Зачем беречь душу?" Хотя, собственно, разве легче мне от того, что Матвей где-то там, далеко? Разве я не вспоминаю

о нем постоянно? Разве не думаю, не мечтаю, несмотря на то, что всегда считала, что мои фантазии неосуществимы? Так, может, стоит хоть раз в своей жизни рискнуть? Может, послушать сердце, которое столько лет тянется к нему?

Полночи я просидела в интернете - читала про Данину болезнь. Многого не понимала. И даже сделал для себя вывод, что для ребенка я скорее всего окажусь бесполезной. Но, с другой стороны, Матвею же кухарка нужна? Приготовить, постирать, убраться - это я умею! А там, по обстоятельствам!

Я встала с кровати рано утром - все в квартире спали. Сварила себе кофе, нашла в кухонном ящике мамино любимое печенье, открыла ноутбук и стала скачивать в него (вдруг там интернета нет?) разные рецепты, которые на мой взгляд, я могла бы попробовать приготовить. Я чувствовала себя так, как будто это не я, а кто-то другой, вчера спал целый день и был болен. Я же ощущала себя отдохнувшей, совершенно здоровой и готовой сделать все, чтобы помочь двум одиноким мужчинам...

В кухню тихонько прокралась мама.

- Лиза, ты зачем встала?

Она поцеловала меня в лоб, видимо, тоже пробуя температуру, как в детстве.

- Мама, я абсолютно здорова. Даже кашель исчез.

- Разве так бывает? Три дня болела, а на четвертый - здорова?

- Бывает, как видишь!

Мама поставила турку с засыпанным в нее кофе - решила присоединиться ко мне.

- Лиза, дочка, мне нужно с тобой поговорить...

- Мама, я поеду, - перебила я ее.

Она резко повернулась от плиты и удивленно посмотрела на меня.

- Куда поедешь?

- Я все слышала вчера вечером. Весь ваш разговор. Я поеду к Матвею.

Мама, забыв про кофе, села на стул напротив меня.

- Лиза, я целую ночь думала. Может быть, все-таки не стоит этого делать. Ты - молодая, красивая девушка, у тебя...

Я не могла это слушать, перебила ее:

- ...Вся жизнь впереди, и таких, как он будут сотни.... Знаю, мама, знаю. Только нет мне без него жизни. Люблю его. И другого мне не надо.

- Но Даня...

- Если с Даней не сумею найти общий язык, значит - я их не достойна!

- Глупости какие-то, - мама резко вскочила из-за стола, но было уже поздно, кофе с шипением вылился на плиту. - Ну, вот! Как всегда! Безрукая!

- Вытяжку включи, а-то Сергей сейчас от запаха горелого проснется!

... Я хорошо помню, как мы с бабушкой ездили в деревню к дедушке Ване, как работали у него на огромном огороде -

пололи и копали картошку, чистили свеклу и морковку. Сейчас мы ездим иногда к нему, но огород такой большой там уже давно не садится - так яблони, груши, ну, его любимые помидоры и огурцы! Дедушка живет в деревеньке, расположенной неподалеку от нашего города. На автобусе ехать всего минут двадцать. И кажется поэтому, что это не деревня вовсе, а так, удаленная улочка нашего города.

Сейчас же Роман вез меня, мой чемодан с вещами и гитару, с которой я не расставалась, вот уже третий час в какие-то дебри! Полчаса как мы ехали по грунтовой дороге, подпрыгивая на ямах и кочках. Навстречу вместо дорогих и красивых машин, в городе встречающихся на каждом шагу, все чаще попадались трактора, исполинские зеленые комбайны и КАМАЗы, груженные зерном - видимо, началась уборка зерновых. Потом мы промчались вдоль деревенской улицы, и так как я знала название деревни - Любимовка, то догадалась, что скоро прибуду в точку назначения. Только Роман не торопился сворачивать к одному из милых деревянных деревенских домов. Он свернул на какую-то, совсем уж нетоптанную дорожку, которая вела ... в сосновый лес! Сбоку от дороги стоял колодец с покрашенной в голубой цвет крышей. От колодца через дорогу вдруг понесся на всех парах маленький черный щенок. Роман затормозил так резко, что я ударилась лбом о приборную панель. Да так сильно, что искры из глаз посыпались - точно синячище будет! Да хороша же я предстану перед светлые очи своего будущего рабо-

тодателя! Я старалась заставить себя думать о нем именно в таком ключе. И вести себя соответствующе...

Роман выскочил на дорогу, я выползла следом. Совершенно невредимый, щенок крутился возле наших ног - лопухий, совершенно черный, без единого пятнышка, длинноногий, с "улыбкой" во всю свою смешную мордочку. Рома потрепал его за ухом:

- Явно дворняга! Но какой замечательный! Только худющий...

Да, ребра были хорошо видны под гладкой короткой шерсткой.

- Лиза, давай его сосисками покормим! Там в сумке, что Аля складывала...

Я пошла к машине, потом остановилась и вернулась назад.

- Рома, давай лучше его возьмем с собой!

Он задумался.

- Не знаю, что Матвей скажет на это... Хотя, впрочем, если он не захочет, я этого бультерьера своим мелким заберу - вот радости-то будет!

Я сама обрадовалась не меньше, чем, наверное, радовались бы Анютка с Антошкой, Ромины и Алины дети. Взяла его на руки, усадила на колени в машине и мы поехали дальше. Вроде бы и не кормили мы его еще, но малыш, как чувствовал, что бездомной его жизни пришел конец - лизал мои руки и пытался допрыгнуть до лица с той же целью.

- Ром, а долго еще?

- Устала?

- Нет, просто в лес въезжаем! Неужели прямо здесь они живут?

- На окраине деревни его берлога стоит. Просто, так, через лес, быстрее доехать можно. Да и ты местными красотами полюбишься!

Я открыла окошко, и салон автомобиля тут же наполнился особым свежим ароматом! В лесу и дышится совсем по-другому, чем в городе! А красота! Высокие сосны тянули свои макушки к самому солнцу. Ровные стволы, казалось, были высажены рядами - так равномерно они росли. Кое-где из серой игольчатой подстилки пробивались кустики каких-то цветов, островки трав. Вокруг деревьев то тут, то там, можно было увидеть шишки, ветки и даже красные шапочки мухоморов!

Я бы тоже своего ребенка привезла жить сюда! Такой меня охватил восторг, что захотелось выскочить из машины, закружиться, раскинув в стороны руки, и закричать во все горло: "А-а-а-а!"

Крутя головой в разные стороны, я и не заметила, как Ромина машина выехала к одноэтажному приземистому дому с большой деревянной верандой. Дом был покрашен яркой голубой краской, имел большие пластиковые окна и черепичную крышу. Было видно, что за деревьями, чуть в стороне стоит еще один дом, а за ним - еще дальше - второй и так далее. Только этот, все равно, держался как бы особняком.

Возле дома стояла черная машина - наверное, Матвея, а к колесу ее был прислонен маленький трехколесный велосипед. Перед домом была большая площадка, также окруженная соснами. Вот это да! Вот так берлога! Где ж хозяин-то?

Рома доставал из багажника сумки с припасами и мою, с вещами, а я осматривалась, прижав к груди заснувшего щенка. Сердце билось где-то в районе горла, казалось, сейчас просто выскочит из груди! Что скажет? Как себя поведет?

Вдруг краем глаза на сосне сбоку заметила какое-то движение, повернулась - белка скачет!

- Рома, смотри, белка! - в восторге пальцем указала на животное. А оно вдруг по стволу вниз, прямо к нам побежало. Щенок взвизгнул от восторга и начал вырываться.

- Это - Эдди. Матвей ее подкармливает, она с рук ест, представляешь?

В этот момент пес, сделав кульбит в воздухе, все-таки спрыгнул с моих рук и с оглушительным лаем помчался к несчастному зверьку! Я кинулась за ним. Белка, резко развернувшись, понеслась к спасительной сосне! Рома хохотал. Я пыталась поймать нарушителя спокойствия, кружась рядом с ним и не успевая схватить! И тут, как гром среди ясного неба:

- Это что за зверинец, брат?

Забыв про собаку, я медленно выпрямилась и также медленно повернулась на голос.

Он всегда был самым красивым в мире, но сейчас... За-

горелый до черноты, с выцветшими на солнце русыми чуть длинноватыми волосами, с испачканной мазутом щекой и руками... Я скользнула взглядом вниз. Матвей был одет в клетчатую рубаху с отрезанными или просто оторванными рукавами и джинсы, болтающиеся очень низко на бедрах. И почему-то босиком.

- Я, кажется, цирк не заказывал...

6.

Утро началось как попало! Обычно по субботам к нам приходила с другого конца деревни тетя Лида, которая приносила молоко и творог. Причем, за символическую плату. Сегодня она почему-то не пришла.

А мы на завтрак едим кашу. У нас должен быть режим. Порылся в холодильнике - нашёл пол-банки литровой молока. Когда оставалось? Вчера, позавчера? Почесал в затылке - кто его знает?

Начал кипятить - сварилось... Сжав зубы, чтобы не материться при ребенке, задумался. Что дальше? Топать в деревенский магазин за молоком или накормить тем, что есть? А что есть? А имеется у нас только вчерашний гречневый суп.
- Даня, ты будешь кушать суп?

Ребенок, в ожидании еды, как обычно, крутился поблизости. Суп он не очень любил, но, видимо, настолько проголодался, что готов был умять и его, тем более, что я помахал перед его носом шоколадкой. Конечно, это - запрещенный прием, но зато действенный.

Что же готовить на обед? Не знаю, как женщины с этим справляются! Для меня ежедневно существовала проблема кормления ребенка, ну и собственного питания заодно.

А что если на велосипедах съездить в деревню за молоком? Даня - на своем трехколесном, я на большом? Он, как

раз устанет к обеду и будет спать, как убитый. А из молока я сварю эту долбаную кашу...

Только у старенького велосипеда, доставшегося мне в наследство от предыдущих хозяев дома - моих деда с бабкой, было пробито колесо.

Разобрал, заклеил, с трудом собрал обратно. Весь в мазуте. Крутившийся рядом Даня тоже весь чумазый, в порванной (когда успел?) рубашонке.

Прежде чем ехать, переодеться нужно...

...Что за крики? Посмотрел на сына - увлеченно ковыряет отверткой в земле. В деревне орут? Молодой женский голос? Не старушечий, что было бы объяснимо, а именно молодой? Хм, может в гости к кому приехала телка городская? Теперь точно в деревню поеду - бабу полгода не видел, может, повезёт и...

Да нет, кричат-то у меня перед домом. Неспеша пошел туда. Возле веранды остановился. Ромка приехал! Блять, неужто любовницу ко мне привез? Ромка... не может быть!

Руки просто зачесались ему морду набить - Альку жалко! Как он мог-то!

Но женская фигурка, преследовавшая страшного облезлого пса, показалась знакомой... Лиза? О нет! Скрипнув зубами, пошел к ним.

Брат, зачем? Лучше бы проститутку мне привез, или бабку, чтобы жрать готовила, кого угодно, только не Лизу! От шалавы какой-нибудь было бы больше толку... Блядь, в лого-

во зверя привез ребенка... Красивого, сладкого, просто крышесносного ... ребенка... В мое логово...

- Это что за зверинец, брат? Я, кажется, цирк не заказывал.

Сука, что ж она такая... Не мог отвести глаз, как всегда, когда видел ее. Я убью его! Зачем? Козёл, сволочь, а не брат!

Она выпрямилась и смерила меня взглядом. Оценила мою "красоту"!

- Рома, блядь, отойдем! Вон туда, - показал ему за дом, Даньку заодно проверю.

Старший мудрый братец, пожав плечами, пошел вперед, на ходу пытаюсь вправить на место мозги тупому младшему, мне то есть:

- Брат, а где же здрасте? Чего ты злой-то такой с утра? Не выспался? Где Данька?

Я шел молча - нечего при девчонке отношения выяснять, тем более, что речь именно о ней пойдет.

Когда за дом зашли, Ромка резко остановился, я еле успел затормозить, чтобы не впечататься в его спину.

- Матвей, давай без психов твоих обойдёмся! Что тебе опять не так? Чего орешь, как ненормальный?

- Зачем? Зачем привез девчонку? Мне что, без нее проблем, что ли, мало?

Роман положил руку мне на плечо и заглянул в глаза:

- Проблем у тебя много. Она поможет решить парочку - готовить, убирать, стирать вам с Данькой будет.

- Рома, о чем ты? Готовить она будет... Бред... Ты же знаешь, как я к ней... Ты же знаешь, что я трахну ее через пару дней, и ты сам приедешь мне за это голову отрывать! Зачем? Я разве об этом просил тебя?

- Не об этом. Но..., - Ромыч замялся, не решаясь продолжить. - Мы решили, что так вам всем троим будет лучше.

- Е... мать, они решили! Меня спросили, решалы? Ещё одного ребенка мне на шею повесить хотите? Серега меня потом за растление привлечет, ага?

- Матвей, мы переночуем с Лизой у тебя. А ты подумай. Завтра, как скажешь, так и сделаем. Только хорошо подумай, брат. Не руби с плеча! Даньке нужна женская рука... и тебе тоже, посмотри на себя... ты же, как бомж какой-то!

Я осмотрел себя.

- Нормальный я! Я просил тебя домработницу мне найти. Это что, так трудно? Не смог? Тогда уж лучше бы проститутку какую привез - я хоть бы пар выпустил... А ты - девочку-целочку в кровать мою своими руками!

- Идиот! О чем ты думаешь? Воспринимай ее, как домработницу - и все! Если бы я тебе другую нанял, ты бы тоже о том, как ее трахнуть с порога думал?

Мимо нас, как всегда, не заметив Романа, промчался Даня в порванной испачканной рубашке. Ромка проводил его взглядом, многозначительно подняв бровь. Типа, я за ребенком плохо ухаживаю! Ладно, до завтра, так до завтра! Свалите оба, никуда не денетесь!

Брат уже совсем другим тоном - успокаивает меня, засра-
нец, - сказал:

- Пошли продукты выгружать. И я тебе там игрушек,
одежды Антохиной для Даньки привез. Посмотри, что не по-
дойдет, назад заберу.

... Странная картина ждала меня возле дома. Мой сын,
ко многому совершенно безразличный, не замечающий и не
признающий новых людей, стоял рядом с Лизой. Она держа-
ла на руках собачье чудовище, что-то говорила, а Даня тыкал
пальцем в чёрный нос. Хм, обычно занять, заинтересовать
его не так-то просто. А в первые минуты появления в нашем
доме - невозможно.

Мы подошли к машине и стали выгружать сумки - снова
жратвы на месяц припер! Ну хоть теперь, благодаря Ромке,
об обеде не нужно думать! Алечка что-нибудь вкусненькое
передала, как всегда!

Я намеренно ни о чем не говорил с ней. Даже не смот-
рел на нее. Даже не поздоровался. Пусть видит, что лишняя
здесь, что не хочу ее видеть, что не нужна! Сама уедет, сбе-
жит завтра же!

Только она, повесив за спину гитару, и прижав к груди пса
пошла впереди нас в дом - как к себе, елки-палки! И Данька,
как привязанный, поплелся следом за ней. Не понял, псина
эта, что тоже у меня жить будет?

- Стоп-стоп, господа, блохастика этого я в дом не позво-
лю!

Она обернулась и глазищами своими огромными прямо в мои уставилась. Я себя чудовищем просто под ее взглядом ощутил - столько в нем мольбы было. Бля-ять, что же я делаю?

- Ладно. Только предупреждаю, нагадит - сама убирать будешь!

Она закивала головой и такие глаза у нее были - все внутри у меня перевернулось... Не сразу до меня дошло, что она даже не попросила ни о чем - посмотрела только, а я уже разрешил, хоть и сказал, что не позволю!

.... Собственно, так всегда было. Мозг рядом с Лизой отключался. Я и до женитьбы своей смотрел на девочку и слюни ронял. А впервые "заметил" ее, когда отдыхал с Аверинными-старшими и Пылевыми на море. Танцы на пляже, море выпивки... И, как же она двигалась ... Как танцевала... И ещё песня какая-то латинская была, и она бедрами своими под нее медленно так, ритмично вращала... Запомнил навсегда. И, как настоящий маньяк, шел к ней тогда с единственной целью - провести рукой по заднице, проверить, потрогать... В голове только одна мысль билась: "Ей шестнадцать, ей шестнадцать...." Но шел все равно! Долбаный извращенец!

И ведь так и не потрогал. Не посмел. Рука не поднялась. Она странно на меня действовала - шел и трахнуть хотел, прижал в танце - все гадкие мысли растворились, исчезли.

Ага, исчезли... Хоть самому себе не ври! Целовал же ее тогда!

Потом ругал себя, потом... Когда ночью заснуть не мог. Когда до утра думал о том, что в соседнем номере под тоненькой простыней спит красивая девочка с длинными волосами. Но она была ребенком, я просто не мог со своими пошлыми мыслями рядом с такой искренней чистой малышкой находится. Тогда держаться от нее вдалеке было проще - она в школе училась, моя совесть не позволяла. Но вот, когда ей девятнадцать исполнилось! Пару раз чуть не спалился, чуть не воплотил свои извращенные фантазии. Понимал, что уже совершеннолетняя. Видел, что тянется ко мне. Чувствовал, что уже не просто влюбленность детская у нее. Теперь меня не сам факт ее возраста смущал, а наша с ней громадная разница - ей учиться, гулять, встречаться нужно! Я же чувствовал себя стариком, которому хотелось семью и детей...

Был и еще один случай, который удержал меня тогда от опрометчивого поступка. Однажды после очередной вечеринки у Романа с Алей я пошел провожать Лизу домой. Она весело рассказывала об учебе, о друзьях в университете, о чем-то таком девчоночьем, детском... А возле их дома у самого подъезда стоял парень. Лизу ждал. Она смутилась тогда - не думала, наверное, что поклонник явится. Я оценил его внешность, его прикид - красавчик, модно и дорого одетый. На первый взгляд - чуть старше ее, на год-два. Тут же машина его стояла. Не помню, точно, какая марка, но, что дорогая - уверен.

Она нас друг другу представила. И я ушел. Не оборачива-

ясь. Я тогда решил, что вот оно - ее будущее! Он, а не я - бабник, развратник, старик...

А через пару дней Нелли мне о своей беременности сообщила. К тому времени мы с ней уже год, наверное, встречались. Ну и закружилось... Данька родился. Четыре года прошло... Даже больше немного. То есть ей сейчас, двадцать три. Взрослая уже совсем. Бля-ядь, извращенец ненормальный! Мысли-то опять свернули не туда. Хорошо хоть не видит никто - переодеваться пошел.

Когда вернулся из своей спальни, Романа с Даней и псом-уродом в доме не было. Зато Лиза была. Продукты в кухне разбирала. Снова поразился, насколько уверенно и органично она себя ведет в чужом доме, как будто всегда здесь жила.

Какая же красавица! Всегда нравились ее русые длинные волосы, сейчас собранные в хвост....

Как только он появился на пороге большой кухни, я, не видя еще, не оборачиваясь даже, поняла, почувствовала, что не Роман это. Мурашки по коже побежали! Делала вид, что не замечаю - пусть смотрит! Только руки не слушались свою хозяйку - дрожали! Голубцы мамины из пластикового контейнера в кастрюльку перекладывала и думала: "Главное - не уронить!" Рома сказал, чтобы вела себя, как можно естественнее, вот я и старалась.

Обернулась именно в тот момент, когда он уходит собрался.

- Матвей! - позвала неожиданно для себя самой. Так, что у него спросить-то?

- Что? - сколько же недовольства в голосе!

- На обед к голубцам что приготовить? Картошку-пюре?

Он задумался. Переоделся, а мазут со щеки не стер! Чумазый такой - хмурится снова.

- Чего ты так смотришь на меня? Я тебе не на витрине - нечего разглядывать!

Вот же гад! Так значит? Ну, ладно - ходи тогда грязный, ничего не скажу. Несколько лет назад не нашлась бы, не придумала, что на такую наглость ответить, сегодня Лиза немного подросла и не смолчала:

- Ой, не больно-то и надо! И вообще, давай очертим, так сказать, круг моих обязанностей.

- Я еще не решил, нужна ли мне хм,... домработница. Что ты умеешь-то? С таким маникюром и картошку не почи- стить!

Я задохнулась от возмущения - да, маникюр, но ведь не вызывающий, аккуратный, мною же и сделанный! Между прочим, я гордилась тем, что умела сама. И девчонкам в институте делала и даже немного зарабатывала этим! Не зря училась рисовать в свое время! Если бы приехала к кому другому, сейчас бы развернулась и домой отправилась, но ведь это - Матвей... Ведь, поддевает специально, гадости говорит, а мне по лицу его ладошкой провести хочется...

- А ты на мой маникюр не смотри - не для тебя старалась.

Пюре тебя на обед устраивает или нет? Даня ест его?

Он удивленно смотрел на меня, как будто впервые видел.

- Не для меня, значит. Хорошо. Да-а, пюре пойдет, - показал головой и направился прочь из дома, бормоча себе под нос. - А девочка-то выросла!

Выросла, и ты даже не представляешь себе, насколько!

Чистила картошку, еле отыскав в завалах грязной посуды в раковине подходящую кастрюлю. Кухню придется драить не один день - неделю точно! Вот с нее завтра и начну. В окошко, выходящее на полянку перед домом было видно, как играет с собакой Даня. Такой красивый, такой милый мальчик - так и хочется прижать его к себе, по русым папиным волосам погладить... Но отчужденность его, как стена, как незримая граница - ощущается телом, не мозгом даже. Забыв про картофелину в руке, наблюдала за тем, как ходит малыш - немного припадая на левую ногу, чуть запрокинув голову. Бедный маленький мальчик! И ещё один факт поразила - играя с собакой, кстати, съевшей за раз полкилограмма сосисок за рекордные три минуты, он не смеялся. Совсем. Антон с Аней хохотали бы до упаду, наблюдая за прыжками и скачками пса. А Даня - нет. Да и играет ли он? Не понятно. Собака крутится рядом с ним, а он куда-то в лес смотрит. Но при этом и не уходит от нее далеко...

К еде ребенок был явно равнодушен. А может, Матвей его просто плохо кормит? Старалась не смотреть на этого хамма осуждающе. Данька уплетал за обе щеки. Правда, голуб-

цы Матвей ему развернул, капусту выбросил. Ну, и сам он не ел. Он сидел и открывал рот. А кормил его Матвей. Я, конечно, немного знаю о детях, но ведь Дане скоро четыре. Наверное, можно было дать ему ложку. Рома, видимо, привычный к такой картине, спокойно обедал, то и дело отвечая на сообщения, постоянно приходящие на его телефон (о чем они там с Алей переписываются - улыбается вон!). Решила все-таки вмешаться.

- Матвей, может быть Дане молока налить, чтобы запивал еду?

- Он не пьет молоко.

- Чай?

- Чай тоже не пьет.

Как так? Но вслух вопрос задать не решилась.

- А что тогда пьет?

- Красный сок.

Не клубничный там, или вишневый, а именно красный? Открыла холодильник - действительно, в дверце только соки красного цвета - и никаких других! Достала малиновый. Поставила перед Даней. Думала, что он обрадуется, как все дети, но он на сок и не посмотрел. Смотрел он в окно, куда-то вдаль, на деревья. Матвей открыл напиток, засунул в коробочку трубку, вставил в рот сыну - тот попил.

... Скоро этот странный обед закончился, и я вымыла посуду. На это ушел примерно час, потому что посуды было немерено... Вышла на веранду. Рома с Матвеем возились

возле машины последнего (колесо что ли меняют?). А Даня бродил поблизости, преследуемый накормленным веселым псом. Очень хотелось наладить с ребенком контакт - я любила играть с Антоном и Аней, а они обожали меня. Мне всегда казалось, что это просто - занять, заинтересовать малыша. Но, когда я позвала Даню по имени, ответом мне было полное безразличие - не услышал? Повторила - ноль внимания! Я читала о странностях поведения таких детей, но не так себе это представляла. Ладно. Попробуем по-другому. Взяла небольшую ровную палочку, что во множестве валялись под соснами, дала в зубы собаке. Смышленный, игривый пес схватил, покрутил, погрыз. Забрала, помахала перед носом зверя и бросила подальше к деревьям. Собака радостно помчалась за палкой. И принесла ее мне! Учил ее кто-то, что ли? Я повторила эксперимент, исподтишка замечая, что Даня заинтересовался. Ну, как заинтересовался - тоже веточку какую-то подобрал.

Я осторожно, опасаясь испугать мальчика, подошла к нему, тихо приговаривая:

- Не бойся, я покажу, как. Мы с тобой палочку бросим, а собачка принесет.

Когда руку к его руке протянула, показалось, что он на шаг отступил. Но не сбежал же! Смотрит вбок - взгляд не поймает. Бойтись? Не хочет? Не понять. Осторожно дотронулась до детской ручки, крепко сжимающей палку - никакой реакции. Позвала собаку (надо ей имя придумать, а то

"собака" как-то глупо!), посвистела - прискакал, прыжками, как заяц. С первой попытки бросить палочку Даниной рукой - не получилось, потому что он так ее сжал, что она просто не вылетела, не вырвалась из его руки. Я попробовала еще раз, спокойно поясняя, что именно хочу сделать. И он бросил! Собака, взметнувшись в воздухе, помчалась за снарядами! Даня все также молчал, но его личико исказилось как-то. Заплачет? Или это радость у него так выражается. Чувство жалости и нежности к нему заставило замереть сердце. Такой маленький - такой одинокий!

Наша "игра" продолжалась недолго. Скоро подошел Матвей. Он странно смотрел на нас - недоволен снова! Снова нахмурен! Что, нельзя мне было к ребенку подходить? Сквозь зубы, как мне показалось, он прошипел:

- Нам пора спать.

Взял Даню за ручку и поволок в дом. Я пожала плечами - что ж за человек такой! У меня только-только получаться стало... И пошла в кухню, решив, что откладывать на завтра ее уборку просто не имеет смысла - чем тогда заниматься до вечера?

Она с ним играла! Более того, Даня позволил Лизе взять себя за руку! И не один раз! Я забыл про колесо. Про то, что Ромка под моей машиной лежит... Как замороженный наблюдал за ними! Мне не было слышно, что именно Лиза говорит, но казалось, сын прислушивается к ее словам. Во вся-

ком случае, не уходит, не кричит, забившись в угол. И даже однажды что-то похожее на улыбку мелькнуло на безразличном лице!

Мне хотелось подойти к ним, поучаствовать, разделить это достижение с ними... Я не заметил, как оказался рядом. Но почему-то, когда Лиза удивленно на меня посмотрела, вышел из себя - что мне и подойти к ним уже нельзя!

- Нам пора спать, - единственное, что пришло на ум в тот момент. Действительно, пора. Но, в принципе, можно было бы... Но она промолчала, а я уже не мог отступить от сказанного.

Укладывал Даню, лежал рядом, пока умытый, одетый в одни трусики и маечку, малыш засыпал, а перед глазами стояли огромные зеленые глаза - обиженные, непонимающие. Что ж я за идиот такой! Она же как лучше старалась!

А может, пусть остается? Может, Даня как-то прогрессировать начнет? Ему же интересно было, это видно! Я же не зверь какой-нибудь - буду просто подальше от нее держаться! Главное, чтобы она не смотрела так, как тогда на кухне... Восхищенно. Будто я - самый лучший человек на земле. Ласково. Казалось, что вот-вот сделает шаг ко мне и по щеке погладит. Но это казалось только. Я потом, когда Даньку умывал, понял, что все лицо у меня в мазуте было! А эта негодница не сказала даже! И Ромыч промолчал - брат, называется!

Уложил. Вышел в кухню - она начала мыть шкафчики, но

бросила, не доделав. В окно увидел, что Лиза с Ромкой, обнявшим ее за плечи, с полотенцами в руках идут в сторону речки. Брат позвал ее купаться! А, может, он просто не равнодушен к Лизе? Может, она ему нравится, как женщина? Вон, как обнимает! Сволочь! Он же на четыре года меня старше! Не собирался идти следом. Но Данька часа полтора спать теперь будет, а речка в пяти минутах ходьбы... Переделся в плавки, полотенце на плечо закинул и решительно потопал в том же направлении.

...Но лучше бы не ходил. Потому что вышел из леса на берег местной безымянной реки именно тогда, когда Лиза, сбросив одежду, осталась в одном желтом купальнике. Открыв рот, уставился на нее. Что рот открыт, как у олигофрена какого-то, сразу и не заметил... Бля-я-ядь, назад, к дому чеши! Не смотри на нее! Но это было выше моих сил. Смотрел. Нет, не так. Глазел. Пялился!

Высокая, стройная, со светлой, почти прозрачной кожей. Раздельный купальник, вполне себе скромный, подчеркивал высокую полную грудь и округлые, подтянутые упругие ягодицы. Узкая талия, дорожка позвоночника, по которой хотелось пройти пальцем... а лучше языком...

Как под гипнозом медленно приближался к ней. Чувствовал себя хищником, из-за укрытия наблюдающим за жертвой. И не сдержался бы, дотронулся, прикоснулся к ней, пока она поднимая руки, закрепляла высоко на голове волосы резинкой, если бы не Ромыч.

- Матвей, ты тоже решил охладиться?

Тебя только тут не хватало! Очнувшись от наваждения, посмотрел на брата. Он понимающе улыбался, глядя прямо мне в глаза. Понял меня. Знает, о чем я думал.

Отвлечшись на него, не увидел, как Лиза залезла в воду. Обернулся, когда услышал всплеск и радостный крик. Как ребенок, ей-Богу! Хотя, впрочем, ребенок и есть...

Ромка уже в одних плавках стоял рядом.

- Матвей, давай, наперегонки к тому берегу.

Ага, наперегонки. Шорты пока мне снимать противопоказано - возбуждение очевидно. А, впрочем, можно ведь и в них. Разбежался и с крутого берега нырнул в воду, успев услышать за спиной:

- Так нечестно!

7.

- Ромочка, не уезжай! - просила в шутку, но в душе готова была на самом деле вцепиться в старшего Аверина мёртвой хваткой и не отпустить.

- Аля утром звонила, соскучилась. Сказала, что если сегодня не приеду, явится сама. Я и так-то ночевать не собирался... Да и на работу нужно...

- Да я шучу! Езжай, все будет хорошо! - хорошо в этом доме будет только в том случае, если Матвей сменит гнев на милость. Но пока, судя по всему, этого не предвиделось.

Роман сбивал из досок будку для Джека, крутившегося рядом со мной. Матвей с Даней на Роминой машине поехали на заправку, которая находилась где-то за деревней. А я сидела на ступеньках крыльца и думала, к чему готовиться, чего ожидать от этого непредсказуемого мужчины...

... Ночью спала, как убитая! Конечно, так вымотаться! Кухню отдраила - маникюра больше нет... Ну, да ладно, зато приятно смотреть на результат своего труда! И Ромка удивлялся - туда ли он попал, в том ли доме находится, настолько здесь чисто стало! Матвей, правда, сделал вид, что не заметил... А, может, и не заметил...

Потом ужин готовила - борщ по бабушкиному рецепту. А еще блинов напекла. Что-то подсказывает мне, что совсем не чистая кухня и даже не мои неумелые попытки подружиться

с Даней, а именно эти блины, которые, кстати, пригорали и с огромным трудом отлипали от сковороды, заставили Матвея смириться с моим присутствием в своём доме.

Потому что наблюдая за тем, как он их уплетает, я поняла, что значат слова моей бабули, по состоянию здоровья вынужденной сидеть на строгой диете: "Когда смотрю, как вы едите то, что я приготовила, кажется, сама наедаюсь!"

Вот и я "наелась", даже не попробовав ни одного. Сливочное масло, щедрыми кусочками положенное мною на каждый блин, стекало по его пальцам, подбородку, а он, казалось, чуть не мурчал от удовольствия, как довольный кот!

А вот Даня блинчик есть не стал. Хотя борщом его отец накормил. Я спросила об этом Матвея и он, нехотя, ответил:
- Он не ест незнакомую, новую для него пищу.

Блины - это незнакомая пища? Я, конечно, промолчала, но на заметку взяла. Ну, собственно, ребенок сыт, что еще нужно?

....Хозяин выделил мне отдельную комнату, тоже изрядно захламленную. Ее убирать я решила с утра после завтрака. Проснулась очень рано от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Как только подняла голову с подушки, дверь, издав громкий скрип, захлопнулась. Не Матвей это, конечно. А жаль... Одеюсь в тоненький летний сарафанчик - сегодня, наверное, будет еще жарче, чем вчера! Умылась, расчесалась, потрогала синяк на лбу, чуть подкрасила ресницы - не смогла удержаться, хотелось быть красивой... для него.

Пора готовить завтрак, ведь кое-кто уже не спит! Выполнять, так сказать, свои прямые обязанности. Хотя, Матвей еще не решил, оставит меня или нет.

Дверь в комнату, где спали Матвей и Даня, была прикрыта, но маленькая щелочка все-таки осталась. Проходя мимо, не устояла и заглянула. К сожалению, был виден только самый краешек кровати и загорелая рука, чуть свисавшая вниз. Я замерла на несколько секунд перед дверью, сгорая от желания приоткрыть еще немного, совсем чуточку - одним глазком посмотреть на него. Но сдержалась. Подумала, что веду себя так же, как за полчаса до этого - Даня.

В зале, где спал Роман, возле окна заметила какое-то движение. Даня стоит за шторой? Прячется? Решила подыграть. Шепотом, чтобы не разбудить Рому, сказала, подойдя ближе:

- Где-то здесь прячется серый волк! Ой, боюсь его! Ой, как же страшно!

И, неожиданно для себя, услышала тоненький вой - не волка, конечно, скорее, маленького волчонка. Игрет со мной? Отвечает? С удивлением, подумала о том, что впервые за сутки слышу звуки, издаваемые малышом, до этого он просто молчал. Чтобы закрепить успех, продолжила:

- Побегу-ка я в свой домик, спрячусь от волка! А если он придет ко мне, дам ему что-нибудь вкусненькое, чтобы меня не съел!

И на цыпочках поскакала в сторону кухни.

Поставила молоко на плиту, помня о том, что Даню нуж-

но кормить кашей - Матвей в приказном порядке озвучил это вечером перед сном. Молока мы привезли всего один пакет, а пили его здесь много. Нужно в магазин сходить сегодня в деревню. Есть же он здесь? Хотела достать из холодильника и погреть оставшиеся блины, но не нашла их. Зато пустой пластиковый контейнер стоял вымытый в сушке. Матвей, что ли, ночью съел? Бедненький, наголодался тут без женской руки! Ну, значит, оладьи испеку на завтрак! С вареньем можно будет кушать, которое бабушка им передала! Когда уже закрывала дверцу холодильника, разыскав в нем два последних яйца, увидела "волчонка", стоящего на пороге. Та-а-ак, обещала же ему вкусненькое! Если дать шоколадку, кашу есть не захочет! Взяла морковь, почищенную и вымытую вчера для борща и оказавшуюся лишней.

Малыш стоял на пороге в голубой пижамке с короткими рукавами и штанишками, взъерошенный, маленький, такой миленький, что хотелось схватить его на руки и потискать, поцеловать в щечки, погладить по головке. Только я помнила, что с такими детками, как Даня, так поступать нельзя, а тем более мне сейчас, когда я для него совершенно чужая. Как же он на Матвея похож - просто одно лицо, такой же красивый!

- Ой, серый волк, не ешь меня! Я тебе свою морковь дам!

Но глупым тетям нужно бы знать, что волки не едят морковь! Даня резко развернулся и убежал.

Завтрак проходил в тишине. Я, покормив Даню, с шоколадной конфетой отпустил его из кухни, и теперь сосредоточенно ел кашу. Как поступить? Оставить ее здесь? Готовить Лиза умеет - да ещё как! Кухня просто сияет. С Даней у нее получается - мне даже поработать побольше можно будет, когда он к ней привыкнет. Спокойная, весёлая. И только один минус, но зато какой! Красивая очень. С другой девушкой это, конечно, считалось бы плюсом, но не с ней.

Если оставлю, нужно строго-настрого запретить ей одеваться так, как сегодня. Что это за сарафан такой - плечи голые, тоненькие лямочки бюстгалтера видны, да и ткань слишком лёгкая - кажется, на солнце все тело видно будет! Понимал, что полный бред выдумываю! Понимал, что при Ромке вообще подобного произносить нельзя - на смех поднимет! Но смотреть мог только в тарелку с кашей - иначе, взгляд неумолимо полз по ее голым плечам, туда к груди. Они с Ромой обсуждали новое Алино увлечение - жена моего брата начала разводить фиалки. Она все делала в полную силу, никогда не признавала полумер. И поэтому теперь весь дом у них был заставлен горшками с этими цветами.

- Но ведь красиво! - Лиза защищала тёткино увлечение. - Разные сорта по-разному цветут!

- Только, Лиза, слишком много времени занимает - лучше бы она на меня его тратила! А, впрочем, если ей нравится, то я совсем не против!

Вот всегда он так! Готов жене потакать во всем! Я совсем

не понимал, зачем в доме нужны цветы - какая от них красота? Наоборот, земля на подоконник насыпается, вода из поддонов вытекает. Пыль, опять же, на листья ложится. Я бы точно запретил своей жене...

Лиза рукой махнула в сторону окна:

- Будешь в следующий раз сюда приезжать, привези пару горшочков - вон туда на окошко поставим!

Вот тут я смолчать не мог:

- Это мой дом. Я сам буду решать, что и где здесь ставить.

Встретился с ней глазами - во-от, так и смотри на меня всегда - словно я последняя сволочь на свете! О, а это - хорошая идея! Нужно ей гадости все время говорить - она меня к себе и не подпустит! Приехала работать - пусть работает!

- Ну ты, братец, и хамло! Посмотрим, как запоешь, когда на моем месте будешь!

- Был уже - с меня хватит! - и специально для нее озвучил свое решение. - Можешь остаться. Считай, что ты на испытательном сроке - две недели. Если что не так будет - отвезу домой!

Вышел из дома, слыша за спиной Ромкины шаги. Конечно, как же он без нравоучений? Сел на ступеньки, брат устроился рядом.

- Я себя вёл точно также, когда с Алей познакомился. Я понимаю тебя. Вспомни, как ты меня ругал за это! Хотелось бы мне сейчас тебе по шее дать, на правах старшего брата, да только сам все поймёшь! Еще и прощения у нее просить

за хамство свое будешь!

- Да ни за что! Я ее сюда не звал!

- У нее каникулы, между прочим! А она работать будет!

Понимаешь, к чему я?

- Я заплачу ей.

- Идиот! Ты благодарен должен быть ей! Спасибо говорить, как воспитанный мальчик! Не нагружать сверх меры! И не вздумай деньги предложить, я её хорошо знаю - обидишь до глубины души! И ещё... это Сергей просил передать. Обещал ему. Если Лиза вернется домой со слезами, он голову тебе оторвет!

- Да пошли вы все на х...! И ты, и Сергей!

Думал, после этих слов мой братец все-таки врежет мне. Видел, что он хотел это сделать. Но не стал. А жаль! Так хотелось подраться...

Оставаться дома с ними в таком взвинченном состоянии было, прямо скажем, опасно, во всяком случае, пока Ромыч не свалит. Поэтому я сам вызвался съездить на заправку, прихватив с собой Даню. Проезжая с ветерком вдоль деревенской улицы, увидел возле одного из домов, кажется как раз бабы Лиды, нашей молочницы, большой черный джип - гости к ней пожаловали, поэтому молока мы с Даней вчера и не дождались!

Провожая Романа, испытывала странное чувство, состоящее из смеси страха и волнения, как перед кабинетом врача.

Когда он уже садился в машину, обняв меня на прощание и, в который раз, приказав сразу звонить ему, если что, даже подумала, что, может, все-таки нужно с ним уехать? Но, представив себя возвращающейся домой, без надежды увидеть еще когда-нибудь Матвея, я отбросила сомнения. Нет. Не уеду, ни за что!

Чтобы избавиться от волнения, решила сходить в деревенский магазин за продуктами.

- Матвей, в деревне есть магазин?
- Скажи мне, что нужно купить, и я сам съезжу.
- Я хочу осмотреться. Ну, и мне нужно кое-что для себя купить, - как скажешь ему, что прокладки забыла?

Он молча протянул мне пластиковую карту. Испытывая необъяснимое чувство стыда, взяла.

Сосновый лес быстро закончился. Вдоль дороги с одной стороны стояли маленькие разноцветные домики, окруженные палисадниками со множеством цветов. С другой стороны на сколько простирался взгляд, виднелся луг, доходивший до самого берега реки, видимо, той самой, в которой мы вчера купались. Магазин, благодаря большой самодельной вывеске, был виден издали. Рядом с ним на скамейке сидела шеренга бабулек в ярких платочках и с палками в руках. Это у них тут клуб по интересам, что ли? Бабульки, тихонько переговариваясь, что-то обсуждали. По их заинтересованным взглядам, я поняла, что, а точнее кого именно. А скоро и услышала.

- Да, к Авериным это, точно говорю.
- Полюбовница Матвеева?
- Да-то Ромкина жена!
- Да Ромкина жена постарше будет.
- А может, непутевая мамаша пацаненка вернулась?
- Не-е, ту я видела, месяца три назад приезжала - красавица такая, что не передать! На машине такой красной без крыши совсем.

Бабки, совершенно не смущаясь, что я могу слышать, продолжали говорить обо мне, когда я поздоровалась с ними и вошла в магазин. Больно кольнуло их упоминание о Нелли! Даже деревенские старушки видят разницу между мной и ею - красавицей ее называют! Куда мне с ней тягаться! Купив все необходимое, нагрузив для этого два огромных черных пакета, я отправилась в обратный путь. Проходя мимо старушек, слышала снова:

- Да, полюбовница, я вам старым говорю...

И не сдержалась:

- Не жена и не полюбовница - сестра внебрачная! По... отцу! Он меня через программу "Ищу тебя" нашел!

Бабки загалдели в один голос:

- Да не может быть! Ой-ееей! Где ж ты жила все это время?
- Да в детодоме! Где ж еще?

Старушки качали головами, в ужасе закрывали беззубые рты ладошками, и сочувствовали мне. А я, сгибаясь под тяжестью пакетов, зашагала в обратном направлении.

Возле одного из домов появилась большая черная машина, когда шла в магазин, ее здесь не было. Рядом с ней стоял молодой парень, одетый в одни шорты и из шланга поливал автомобиль водой. Увидев меня, он бросил орудие труда на землю и пошел навстречу. Я не сразу узнала его, а, узнав, хотела бросить пакеты и рвануть через лес к Матвею - этого еще не хватало - передо мной стоял тот самый парень, с которым я познакомилась в университетском кафе пару недель назад. Он тоже узнал:

- Лиза? Не верю своим глазам!

Я тоже не верила. Но факт оставался фактом.

- Привет!

- Привет! А ты здесь у кого? Давай пакеты помогу донести, - и, хоть я и пыталась сопротивляться, он выхватил мой груз и зашагал по дорожке рядом.

8.

- Так, ты у кого здесь? К бабушке приехала на каникулы?
- не унимался мой старый знакомый. А я мучительно вспоминала, как его зовут.

- Э-э, извини, я не помню, мы познакомились, но я... - было стыдно, что так некрасиво выбросила его имя из головы.

- Влад, - если он и был удивлен этим фактом, то вида не подал. - Видишь, судьба дает мне еще один шанс познакомиться с тобой поближе.

- А ты к кому приехал? - вот чего мне не нужно, так это с кем-то знакомиться поближе. Что ему сказать, чтобы не шел со мной дальше?

- К бабушке. Мы с отцом решили ей крышу на доме поменять - старая протекать стала. Вообще, родители давно ее в город зовут - даже квартиру прикупили, чтобы ее туда заселить. Но она, представляешь, ни в какую! Корову держит, курочек разводит... Так ты у кого гостишь?

Хм, как Матвея представить? Как старушкам - братом? Тогда Влад может попытаться со мной скоротать скучные деревенские вечера. Чего бы мне совсем не хотелось. Правду? Ситуация-то со стороны щекотливой выглядит. И тут меня осенило:

- Подрабатываю на каникулах - у родственника богатого. Убираю, готовлю. Только он очень неприятный тип - твердые

правила у него. И одно из них - никаких свиданий в рабочее время.

- А когда у тебя нерабочее? Ты же отдыхаешь, наверное, иногда?

- Мы ещё не очертили круг моих обязанностей.

- Зачем ты это терпишь?

- Элементарно, Ватсон, - он платит много.

И тут в мою голову (не иначе, солнце напекло!) пришла замечательная идея! А что? А вдруг? Пусть Влад пакетики-то мои до дома донесет - а Матвей увидит. Вот бы приревновал меня! Я даже, мечтательно улыбаясь, остановилась на тропинке.

- Лиза, это ты так радуешься моему предложению?

- Ой, прости, я задумалась... Надеюсь, ты не замуж предложил?

- Нет. Тут до районного центра - десять километров всего. По выходным в клубе местном дискотеки проходят - поехали! Заценим, как здесь люди развлекаются!

- Послезавтра? - суббота будет, подумала я, а Влад кивнул.

- Я подумаю и завтра скажу.

- То есть я могу к тебе завтра прийти?

- Давай, - в конце концов, я могу и отказаться, если что!

Мы подошли к дому. К сожалению, Матвея с Даней рядом не было. Влад поставил пакеты на крыльцо. Наверное, он хотел ещё поболтать, но я, сославшись на большой объем работы, схватила покупки и поволокла их в дом.

Будь я на месте этого голопузого Тарзана с модной стрижкой, я поступил бы точно так же! Увидел красивую девчонку с тяжелым грузом, схватил у нее из рук пакетики - и никуда она не денется, будет рядышком идти и в рот заглядывать, опасаясь, что ее ценный груз так и останется в твоих лапах! А тем временем, нужно хорошенько поездить ей по ушам. И вот уже она мило улыбается и согласно кивает головой. Стопудово куда-то зовет! И она соглашается! Ну, бля-ядь, приткий какой этот Тарзан малолетний!

А я вот возьму и не отпущу! И ведь четко отдавал себе отчет, что я ей не любящий папочка, и прав-то у меня никаких что-либо запрещать взрослой девушке нет. Да только настроение, только-только с Ромкиным отъездом, начавшее улучшаться, снова упало ниже плинтуса.

И ни фига я не ревную! Ведь я ни в коем случае не собирался сам к ней подкатить. Мне это не нужно. Потраخаться с кем-нибудь без обязательств, это - да! Да где тут бабу раздобыть? В деревне точно никого подходящего нет, проверено. Завтра на разведку в район смотаться?.. А с такой девчонкой, как Лиза, нужно по-серьезному, чтобы замуж там и все такое... Зачем мне эта головная боль? На фиг. Опять же, в силу своего возраста возиться с еще одним ребенком, да еще и девочкой. Два взаимоисключающих чувства боролись во мне, когда я смотрел на Лизу. С одной стороны, я видел в ней ту золотоволосую десятилетнюю девочку, которую узнал

буквально перед свадьбой своего брата и Али. Отличницу, с белоснежной улыбкой и огромными глазищами на пол-лица. С другой, по мере ее взросления у меня на глазах, нет-нет, да и возникали мерзкие пошлые мысли...

... Так. Сейчас войдет с пакетами. Чего она там набрала? Пора из кухни валить, иначе догадается, что я наблюдал за ними.

Оставив свой пункт наблюдения возле окна в кухне, пошел заниматься с Даней. Делали мы это обязательно перед обедом и старались не пропускать. Недолго, буквально несколько минут играли с карточками, где нужно было подобрать кусочки по форме, собрать картинку на тему: "Что едят животные". В эту игру мы уже как-то играли и поэтому Даня быстро справился. Вообще, проблемы определения форм предметов у сына не было - различные кубики с отверстиями по бокам, куда нужно вставлять более мелкие части определенной формы, он собирал легко. Только вот называть эти формы он не мог. Поэтому сегодня я особо остановился именно на этом вопросе.

У меня была определенная программа, по которой я занимался с Даней. Дважды в месяц мы ездили в город к доктору, который нам в этом помогал. Мне не раз говорили в этом центре, что для сына было бы очень хорошо работать с их специалистами чаще - несколько раз в неделю. И нужен ему не только психолог, но и логопед, коррекционный педагог и другие. Я думал над этим вопросом. Не мог пока ре-

шить. Мне казалось, что нам с сыном очень хорошо здесь, в деревне, в лесу. Я видел, что его отношение ко мне медленно и неуклонно меняется, и, пусть эгоистично, но полагал, что в данный момент для него (и меня) именно это - установление наших с ним отношений - самое главное.

Потом мы рисовали красками. У каждого был свой лист. Я, подумав, нарисовал собаку, сидящую возле будки - не зря же мой брат возился целое утро! Я запечатлел его труд! А Дания - какой-то длинный прямоугольник, с квадратиком сверху. Когда внизу прямоугольника появились две палочки, я понял, что это - человек.

- Данечка, ты себя нарисовал. Даню?

Тишина в ответ.

- Нет, это, наверное, папа. Вон какой красивый!

По его реакции - он стал отодвигать от меня листок, я понял, что это точно не я. И для Дани важно, чтобы я угадал, кого он нарисовал - иначе бы так не переживал. Присмотревшись, я сказал:

- Ну, что с папой сегодня? Это же Лиза? Правильно?

Он несколько раз кивнул головой. Потом тихонько повторил ее имя. Причем несколько раз. Несколько десятков раз.

Все-таки, она, каким-то образом, произвела на моего малыша впечатление! Непонятно только какое! Но ее он заметил - это точно. Впрочем, не заметить ее трудно. Я вот тоже... заметил. Ничего, Матвей, два месяца пролетят, как стрела. Лиза уедет на учебу, и снова начнется спокойная, размерен-

ная жизнь. Немножко потерпеть и найти себе бабу. Нет, две бабы. Одну, чтобы готовила и прибиралась. Вторую, помоложе и посимпатичнее, чтобы... Ну, понятно, зачем. И вторую поскорее надо бы, потому что из-за долгого воздержания, я, похоже, думать мог только о сексе...

По дому разносились потрясающие запахи. Их я спутать с чем-то другим не смог бы никогда. Пахло мясо. Из духовки. Мясом с картошечкой. К этим душераздирающим ароматам примешивался запах какой-то выпечки, отчего слюна непроизвольно собиралась во рту, грозясь в какой-то момент побежать струйкой по подбородку. Скоро там обед уже? Надо пойти проверить.

... Лиза, склонившись над кухонным столом, что-то резала на дощечке. Салат, что ли, делает? И напевала тихонько - музыку в наушниках слушает, вон шнур тянется к телефону, засунутому в задний карман джинсов. Слегка пританцовывает. И этот сарафан ее, членоподнимающий, в такт движениям колышется внизу. И бесцветные бретельки так интимно, так приглашающе на плечах натягиваются... А еще прядка светлых волос, выпавшая из пучка, собранного на макушке, легко касается тоненькой шейки сзади. И вот именно в этом месте я бы поцеловал... Подул бы на волосы, чтобы освободили местечко и лизнул бы конкретно этот кусочек розовой кожи. Она бы вздрогнула от неожиданности, и шейка ее обязательно покрылась бы мурашками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.